

АДАЛИН
ЧЕРНО

СОФИ
ВЕБЕР

БЫВШИЕ

ТЫ ВЫБРАЛ НЕ МЕНЯ

**Адалин Черно
Софи Вебер**
Бывшие. Ты выбрал не меня
Серия «Медики (Черно)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73848927*

Аннотация

– Мы с Камилем поженимся и у нас будет ребенок. Он не придет сегодня на встречу. Он вообще больше никогда не появится в твоей жизни.

После этих слов она встала, поправила сумочку на изгибе локтя, а я лишь смогла вымолвить:

– Но как же... мы ведь любим друг друга.

Она усмехнулась.

– Никакой любви у вас не было, милая. Таких, как вы, наши мужчины используют лишь с одной целью – утолить свои мужские желания. Но женятся они на нас. Простая иерархия, о которой ты, видимо, не знала. Наши семьи давно договорились, он тебе не сказал?

Она демонстративно надула губы, будто бы ей было жаль, а потом, едва скрывая самодовольную улыбку, произнесла:

– Мне жаль.

Потом она ушла.

А я сидела в кафе и ждала, когда Камиль придет. Мне казалось, что та девушка – плод моего воображения. Что я ее придумала и Камиль вот-вот придет. Но прошел час, второй. Заказанный час назад кофе давно остыл, а Камиля не было.

И, как она и сказала, он не появлялся в нашей с дочерью жизни до сегодняшнего дня.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Адалин Черно, Софи Вебер Бывшие. Ты выбрал не меня

Глава 1

В мой кабинет, где я сижу, разбирая бумаги и пытаюсь заполнить отчетности, врывается медсестра:

– Диана Романовна, срочно! Авария, есть пострадавшие.

Я подрываюсь с места, отложив документы до спокойных времен. Когда-то ведь они наступят в этой больнице?

– Взрослый мужчина, ехал на пассажирском сидении. С его стороны врезался джип, – рассказывает на ходу Тина.

– Что с водителем?

– Живая. Отделалась испугом, – отчитывается Тина.

– Женщина?

– Угу.

Не то, чтобы я преуменьшала женские умения. Ни в коем случае! Сама ведь работала в больнице хирургом. Практически выгрызала свое место под солнцем. Но сейчас понимаю киваю. Это потому что сама я так и не освоила вождение. Скальпелем орудовать научилась, как волшебной палочкой, а вот автомобиль водить не смогла.

– Группу крови выяснили? Хронические болезни?

– Женщина говорит, что нет ничего. Она вроде как жена.

– Она может не знать.

– Проверять времени нет.

– И то правда. Пациент в сознание не приходил?

– Вроде нет.

– Если придет...

– Я знаю, что спрашивать, – Тина домывает руки и направляется в операционную. Я – следом.

На мгновение прикрываю глаза, ослепленная ярким холодным светом, а затем решительно подхожу к пациенту и слушаю короткий отчет о тяжести и характере повреждений. Мысленно выстраиваю цепочку дальнейшего вмешательства, когда слышу:

– Диана Романовна, приходит в себя!

Перевожу взгляд вправо. В поле зрения попадает кадык, квадратный волевой подбородок, покрытый трехдневной щетиной, пухлые симметричные губы, ровный нос и подрагивающие веки. Мужчина кривится и распахивает веки.

Мне требуется мгновение, чтобы узнать его тёмные, почти чёрные глаза. Точно такие же, как у моей семилетней дочери.

– Имя? – спрашиваю дрожащим голосом.

Я все еще надеюсь, что это его двойник. Потому что если это он...

– Камиль Алиев, – отчитывается кто-то из присутствующих.

Обычно я знаю кто. Могу определить говорящего по голосу, но только не в этот раз. Сейчас я полностью сосредоточена на мужчине. И слова вымолвить не могу, рассматриваю его такой знакомый профиль, губы, которые некогда так жадно целовала и глаза, в которых когда-то давно читала признание в любви.

Тина начинает допрос, а я перехватываю карту. Информация там скудная, один листок, где написано об особенностях поступления и повреждениях. Группа крови третья. Я знаю, потому что мы были близки. А я уже тогда успешно училась на хирурга. Как и он, впрочем.

– Хронических болезней нет, – отчитывается Тина.

– Давайте наркоз, – приказываю.

Стараюсь не смотреть на него больше, но отчетливо чувствую жжение на щеке. Он рассматривает? Ничего, скоро он уснет, а мы приступим к операции.

А когда все закончится, надеюсь, мы больше никогда не встретимся и он не узнает, кто именно достал его с того света.

В том, что именно это мне сейчас и предстоит сделать, не сомневаюсь, если смотреть на повреждения.

И я делаю. Методическими заученными движениями разрезаю, ищу источник кровотечения, зашиваю...

Из операционной буквально выползаю.

Прислоняюсь к стене, так и не найдя в себе силы снять медицинскую маску.

Сердечный ритм пациента стабилен, а вот мой... сбоят. Сердце шарашит, как после пятикилометровой пробежки. Я знаю, потому что каждое утро пробегаю столько в парке недалеко от дома.

Ощущения сейчас те же, а я все время стояла на одном месте.

– Простите... – меня кто-то отвлекает. – Вы не Камиля Алиева оперировали?

Поднимаю голову, сталкиваюсь взглядом с женщиной. Той самой, ради которой он когда-то бросил нас с дочерью. Потому что так принято в его народе и ради нас против семьи он пойти не мог.

– Нет, – отвечаю сухо.

Глава 2

Успокоиться получается только дома. Рядом с дочкой. Она, ни о чем не подозревая, с аппетитом уплетает пюре с котлетой и овощами, а я сижу напротив, ковыряя еду в своей тарелке. Поразительное сходство дочери с Алиевым больно отдает в сердце. Взмах ресниц, губы, растянутые в улыбке и глаза. Господи, точно такого же цвета.

Уверена, если присмотреться и сравнить, они окажутся абсолютно идентичными. Даже небольшое каштановое пятнышко справа на радужке есть у обоих. А ещё – этот упрямый изгиб бровей. Аня делает точно так же, как и он, когда ей что-то не нравится.

– Ты не голодная? – спрашивает Анечка, заметив, что я не ем.

– По пути домой перекусила.

– А говорила, что перекусы вредно.

Я ведь и правда говорила. Старалась воспитывать Аню правильно. Кормить только теми продуктами, которые полезны для ее здоровья. Поступать по чести и совести. Помогать страждущим. Спасать человеческие жизни. Я старалась быть для дочери примером во всем. Проколоться в такой мелочи казалось несущественным, но я спешу объясниться.

– Работы было очень много, не успела пообедать. Пришлось перекусить, чтобы не упасть в обморок.

– У тебя была операция? – с восторгом в голосе спрашивает дочка.

– Да. И не одна.

– И что там было? Что?

Аня откладывает в сторону вилку и с интересом впивается в меня взглядом. Разумеется, я не рассказываю дочке подробностей, но иногда делюсь интересными случаями.

Без ужасающих деталей, обтекаемо, но Аня всегда слушает с интересом. Все-таки, дочь двоих хирургов. Не знаю, удалось ли ее отцу стать тем, кем он мечтал, когда мы учились, но даже если и нет. Талантов одной матери достаточно, чтобы дочка тоже заинтересовалась медициной.

– И все? – будто чувствуя, что я недоговариваю, спрашивает Аня.

– Все.

Поднимаюсь со своего места, убираю тарелки, избегая взгляда дочки.

Об отце я ей рассказывала катастрофически мало. Только то, что его больше с нами нет. Рассказать Ане, что он о ней даже не подозревает, у меня не хватило духу, поэтому по легенде отец ее умер.

И я не собираюсь его оживлять. Уж точно не теперь, когда я воочию убедилась, что он сделал правильный выбор. Или за него сделали.

Не просто так ведь они вместе уже столько времени? Семья не позволила бы им расстаться. Слишком много вложе-

но в этот брак. Слишком важны связи между их родами.

За уроками и банными процедурами получается немного забыть о случившемся. Но стоит только лечь в кровать в попытке сомкнуть глаза, как перед глазами всплыл образ Алиева.

Хотела бы я визуализировать его беспомощного и немощного, но таким он не выглядел даже на операционном столе. И взгляд его, словно в самую душу, преследовал меня до утра.

Я едва сомкнула веки, как наступило утро.

А там – сборы в школу и на работу. Ночных смен у меня не было по договоренности с главврачом, так что и выходных было мало.

Перед входом в больницу впервые торможу у входа и несколько мгновений смотрю на огромную вывеску и входную дверь. Ощущение, что там, за ней, меня ждет что-то, чему я буду не рада. Но тут же отбросив эти мысли, шагаю внутрь. Здороваяюсь с девочками на стойке регистрации и отстукиваю каблуками по кафелю в направлении своего кабинета. Там я переоденусь в удобный медицинский костюм и тапочки.

– Диана Романовна, – Тина перехватывает меня как раз тогда, когда я почти открываю дверь в кабинет. – Там...

Она замолкает, бросив трусливый взгляд в сторону двери, которую как раз открыла женщина. Я при виде ее совсем не удивляюсь. Было бы странно, если бы Зарема не попыталась

поговорить с врачом, который спас жизнь ее мужу. Она всегда была доставучей, сующей свой длинный нос туда, куда не просят.

– Здравствуйте, – попытавшись мило улыбнуться, говорю я.

– Ты! – восклицает Зарема, надвигаясь на меня.

Глава 3

Конечно, она меня узнала.

Как не узнать ту, которая чуть не увела у тебя мужчину?

Правда, не понимаю, почему злится она, а не я. Это она влезла между нами, она первой забеременела и она первой рассказала Камилю о том, что ждет ребенка. Я осталась на втором плане. Я и моя дочь, о которой я так и не осмелилась ему рассказать. Не видела смысла. Он четко дал понять, что рад беременности Заремы, что любит ее и что женится на ней. Я и моя беременность не вписывались в эту идиллию абсолютного счастья.

– У вас есть вопросы по операции? – спрашиваю холодно, стараясь не смерять Зарему взглядом.

А ведь посмотреть есть на что. Высокая, стройная, одетая, я уверена в брендовую одежду, хотя сама я в этом ничерта не смыслю. Вот в хороших медицинских инструментах и аппаратах разбираюсь, а за две тысячи сумка или за двести, понятия не имею. Но уверена, что у Заремы не за две. Ее наряд прямо таки кричит о недостатке. И совершенно не подходит к месту, что ее, конечно же, совсем не волнует.

Видимо, Камиль все-таки пошел на поводу у семьи не только относительно женщины, но и бизнеса. Помнится, его отец настаивал на том, чтобы он возглавил президентское кресло компании. Камиль упрямылся, даже не общался с се-

мьей какое-то время. Именно в то время мы были счастливы и лишены любых проблем.

И именно тогда я понятия не имела, насколько важна для его семьи правильная невестка. И что его семья, закрыв глаза на учебу по желанию, никогда не закроет глаза на русскую женщину. Избранница должна быть из хорошего рода, желательно выгодная партия, которая укрепит нужные связи.

Зарема была именно такой. Дочь партнера его отца, воспитанная в строгости, знающая традиции. Все, чем я не была и никогда не могла стать.

– Когда он очнется? – спрашивает, задирая голову.

– Мы сделали все возможное. Дальше все зависит от его организма.

Зарема прищуривается, украдкой смотрит на Тину в надежде, наверное, что та уйдет, но она продолжает стоять. Ассистентка у меня не из пуганых и не таких родственников доводилось укрощать, так что продолжаем стоять рука об руку.

– Мы можем... поговорить наедине? – сквозь зубы скрипит Зарема.

– Можем, – пожимаю плечами и направляюсь в кабинет.

Понимающая Тина оставляет нас одних, но ее недовольный взгляд, направленный в сторону Заремы я успеваю заметить. Вот ведь человек... Тина ее знать не знает, а она уже успела ей не понравиться. И я не удивлена вовсе. Мне вообще кажется, что Зарему только такой, как Камиль, и может терпеть, потому что она не производит впечатление челове-

ка, который может понравиться.

Поставив стакан с кофе, который успела схватить в автомате внизу, сажусь в кресло и вопросительно смотрю на Зарему.

– Какие прогнозы? – спрашивает она. – Я должна знать, встанет он или...

– С чего вы взяли, что он не встанет?

– Ну... такие аварии не проходят бесследно, – неопределенно тянет она.

– Не проходят. Но не всегда заканчиваются параличом.

– Он может умереть?

С трудом удерживаюсь от того, чтобы не закатить глаза, хотя я привыкшая к разным вопросам родственников пациентов. Это, пожалуй, самый безобидный, но сказанный так, словно... она надеется на это?

– Все может случиться, – отвечаю так же сухо и прикрываюсь стаканчиком кофе.

Делаю вид, что сосредоточена на нем и рассматриваю украдкой Зарему. Она повзрослела, но практически не изменилась. Разве что расчетливости во взгляде прибавилось, но это меня, почему-то не удивляет.

– А... – она замолкает, словно обдумывает дальнейшие слова. – Какие у него повреждения? В смысле... на что мне рассчитывать.

По долгу службы я часто общаюсь с родственниками пациентов. Часто успокаиваю, иногда приходится огорчать и

видеть на их лицах застывшую маску боли. Но Зарема... это отдельный вид родственников. Обычно я сталкиваюсь с такими, как она, когда к нам привозят пожилых. Там родственники, к сожалению, надеются не на выздоровление. Но Камиль молодой мужчина, полон сил. А складывается такое ощущение, что она хочет от него избавиться. Или же мне просто кажется, потому что я априори ее ненавижу? Даже спустя столько времени мне неприятно ее видеть, а ведь я думала, что давно пережила тот день, когда мужчина, которого я любила до беспамятства, предпочел мне ее.

– Рассчитывайте на хорошее. Мы сделаем все возможное.

– А...

Она явно хочет что-то сказать, но передумывает в последний момент. Поднимается, кивает.

– Хорошо, я поняла.

И выходит из кабинета.

Глава 4

За прерванным на середине обходом и двумя операциями я напрочь забыла и о Зареме и о ее словах. Лишь выйдя из операционной и обессиленно прислонившись к стене, едва сдержалась, чтобы не съехать по стенке. Устала адски. А ведь впереди еще предстояла поездка в школу за дочкой и готовка ужина. Впрочем, с последним сегодня точно не сложится. Придется заказать еду в ресторане неподалеку от школы. На большее меня точно не хватит.

Отодрав себя от стены, направляюсь в кабинет. Переодеваюсь, подхватываю сумку.

– Диана Романовна, – останавливает меня медсестра Ирочка.

– Да?

– Там пациент ваш в себя пришел. Алиев.

Ирочка протягивает мне папку, где сделаны все записи. Просматриваю ее и не найдя ничего подозрительного и хоть как-то влияющего на здоровье Камиля, передаю папку Ире.

– Все в порядке.

Несмотря на то, сколько лет прошло, в сердце все еще екает при одном лишь упоминании его имени.

– Сообщите жене, наблюдайте за его состоянием.

Собираюсь уже уйти, когда слышу недоуменное:

– Жена потребовала ее не беспокоить. Только в случае

смерти.

Останавливаюсь, как вкопанная. Разворачиваюсь.

– Что ты сказала?

– Жена ушла. В приказном тоне потребовала не звонить ей, вдруг что. А у нас кроме ее номера никаких данных нет. Даже родителей его.

Убеждаю себя, что это не моя проблема. Что уж точно не хирурга должно заботить, кто будет приглядывать за пациентом и куда его выпишут после выздоровления. Но дело в том, что на мой операционный стол попал не просто пациент, а Камиль Алиев.

Мужчина, однажды разбивший мне сердце, но продолжающий быть отцом моей дочки. А еще, насколько я знаю, он должен быть невероятно богат. У него что, некому больше переехать? Где же его семья? Отец, мать, братья? Все те, кто когда-то твердили ему, что он должен жениться на той, которую ему выбрали. Ничего этого он мне не говорил, но я прекрасно понимала. Уже потом, когда узнала, какие именно требования к старшим сыновьям в его народе.

Неужели Зарема им даже не сообщила? Или сообщила, но велела не приезжать? А может, семья настолько разгневана его поведением, что отказалась приехать? Хотя нет, это маловероятно. Какой бы конфликт ни был, после такой серьезной аварии родня должна быть здесь. Это вопрос чести.

– Я найду к нему, – смалодушничав, сообщаю.

– Когда?

– Сейчас.

Ирочка кивает и отступает. Возвращает мне папку и подозрительно косится, но я стараюсь не замечать ее взгляда и иду в палату. Обычно я себя так не веду и к пациентам захожу сразу же, как те приходят в себя. С Алиевым, конечно, планировалось исключение. На обходе до него не дошла, а после прийти не соизволила, отдав поручение Тине узнать все о его состоянии и в случае осложнений доложить.

Это был максимум того, что я была готова сделать для него. И вот я стою перед палатой и, словно девочка, боюсь зайти внутрь.

Ну же, соберись, тряпка. Он всего лишь мужчина. Да, когда-то вы были близки, но все давно в прошлом. У него семья, у тебя его дочь, о которой он не должен узнать. Это, к счастью, возымело эффект.

Толкнув дверь, захожу в палату и тут же натываюсь на внимательный взгляд черных глаз.

Даже в таком положении, перебинтованный, бледный, с почти синими губами, он умудряется вызвать во мне приступ страха.

Я никогда не боялась Камиля, но тогда мне нечего было скрывать. Я была искренней в своих чувствах, открытой, а теперь... У меня есть дочь. Не знаю, что за обычаи в его народе относительно детей на стороне, но отчего-то мне кажется, что он не оставит меня в покое просто так.

– Я думал, мне показалось, – охрипшим от трубки наркоза

голосом, произносит Камиль. – Чего только не привидится под наркозом.

Уткнув взгляд в карту, в которой нет ничего нового, потому что я ее уже смотрела, снимаю с себя необходимость отвечать.

Я не знаю, зачем сюда пришла. И впервые не понимаю, что должна говорить. Все стандартные фразы вдруг улечиваются из головы. Вместе с тем, чувствую жжение на щеке с той стороны, на которой находится Камиль.

– Все так плохо? Я умру?

Вскинув удивленный взгляд, понимаю, что держу паузу, а так я обычно делаю, когда собираюсь сообщить плохие новости. Так все врачи делают, не только я. И не для того, чтобы нагнать страху, а чтобы подобрать слова, которых у нас часто нет. Мы не роботы и порой тяжелый диагноз озвучить человеку очень тяжело. Не представляю, как это делают коллеги, работающие в онкологии.

– С вами все в порядке, – наконец, нахожу подходящие слова. – Анализы в норме, воспаление не фиксируется, послеоперационных осложнений нет.

– Да, – кивает. – Заштопала ты меня мастерски. Закончила медицинский на отлично?

После его вопроса вся субординация летит к черту. Притворяться, что я его не узнала и мы два незнакомца, по стечению обстоятельств оказавшиеся в одной палате, больше нет смысла.

– Закончила. Работаю вот. Хирургом.

– Замужем?

Я вижу, как его взгляд «ползет» к руке и тут же прячу ее за папкой. По-детски, знаю, но так хочется доказать ему, что у меня все прекрасно. Любимая работа, понимающий муж, прекрасная дочь, которая не имеет к прошлому никакого отношения.

– Не думаю, что это уместные вопросы. Ваша жена... кхм... она сказала не беспокоить ее, когда вы придете в себя. Вам есть, кому позвонить?

– Жена? – натурально удивляется Камиль.

Рассматривающая в это мгновение стену я резко концентрируюсь на нем.

– Что последнее вы помните? – спрашиваю с осторожностью.

Меня он узнал, значит, какие-то воспоминания у него остались, а вот жену не помнит. Осталось только понять, с какого момента пропала память.

– Какой сейчас год можете сказать?

– Две тысячи двадцать пятый, – говорит уверенно и перехватывает мою правую руку. – Так и думал, что не замужем.

Выдернув запястье из его захвата, отхожу от кушетки.

– Решили поиграть в игры? Шутки с памятью плохи. Назначила бы вам сейчас множество ненужных и к тому же дорогостоящих анализов.

– Пытаешься узнать, есть ли у меня деньги? – спрашивает

с ухмылкой.

Сколько я помню Камиля, он всегда был таким. Умел поставить человека в неловкое положение всего несколькими фразами.

– Вижу, вы шутите. Значит, идете на поправку.

Захлопнув папку, собираюсь уходить, но Камиль останавливает меня неожиданным заявлением.

– Я развожусь.

– Вам есть, кому позвонить? – игнорирую его слова.

Какая мне, к черту разница, что он разводится?!

– Нет.

– Совсем? Родителям, братьям?

Этот вопрос – единственный, касающийся прошлого. Ловлю улыбку, едва задевающую уголки его губ. Таковую же, какой я ее запомнила. Камиль не любил улыбаться широко, лишь слегка, будто и не улыбается совсем, но я очень быстро его раскусила и принимала такого рода проявление эмоций за радость.

Семь лет прошло, а я все еще помню такие мелочи! Не помешало бы сходить к психиатру, возможно, я наработала себе диагноз.

– Родители в Махачкале. Я им не сообщил.

– Почему? – вырывается у меня прежде, чем успеваю остановиться.

– Не хочу, чтобы отец видел меня... таким, – он замолкает, и я вижу, как напрягается его челюсть. – Слабым.

– Вы не слабый. Вы попали в аварию.

– Для него это одно и то же. А мать... она не приедет без разрешения отца.

– Братья?

– Младшие в Дубае. У них свои дела и семьи. Тоже не хочу их беспокоить.

– Значит, только жена знает?

– Бывшая жена, – поправляет он жестко. – Развод почти оформлен. Осталась пара подписей.

– Тогда о вас позаботятся наши медсестры, – удается сказать хоть и с трудом, но равнодушно, даже холодно.

Довольная собой, следуя к выходу и по пути убеждаю себя, что жжение между лопатками, это не потому что один наглый и напрочь лишенный чувства такта мужчина смотрит мне в спину, а потому что я целый день стояла над пациентами и, конечно, заработала себе перенапряжение мышц. А еще...

Еще я гнала от себя мысли, что подобно рою летучих мышей, окружили голову. Мысли, которые не должны посещать голову брошенной женщины. Как он будет справляться один? И где же, черт возьми, его орава родственников, из-за которых моя дочь растет одна? Он не хочет показывать слабость отцу. Гордость. Всегда эта проклятая гордость, из-за которой он не смог пойти против семьи семь лет назад.

Глава 5

- Лисицыну он выгнал, а меня оставил!
- Ничего себе!
- Это потому что ему нравятся стройные и красивые.
- Я слышала, что он женат, разве нет? Жена его тут была.
- Разводится он и, кстати...

Решив, что с меня хватит, являю медсестрам себя. Хлопаю сумкой по стойке и мирным тоном спрашиваю, какие новости. О том, а точнее, о ком именно они говорили, и так прекрасно известно. О Камиле, естественно! Других столь же привлекательных и не пропускающих ни одной юбки в нашем отделении нет. А он вот... флиртует! И присматривает себе другую жену, раз с первой так и не сложилось. Удобно.

– Диана Романовна, а как вам наш пациент? – кокетливо спрашивает Яна.

– Который из? Олег Петрович из семьдесят пятой или Игнатий Львович из сорок второй?

– Камиль Алиев, конечно, – фыркает. – Из сорок пятой. Он вас просил зайти. Такой мужчина... восточный, горячий.

– Меня?

– Не конкретно вас, – тушуетя. – Хирурга требовал.

– Сегодня обход.

– Вне обхода.

– Зачем? – едва вопрос срывается с губ, сразу же себя

одергиваю, поймав удивленный взгляд женщин. – Зайду сегодня.

Работать в женском коллективе непросто. Хорошо, что другие хирурги преимущественно мужчины. И те, кто выше нас – тоже. Иначе бы я попросту не вынесла коварства и сплетничества. Я уверена, стоит мне отойти от стойки, как меня уже обсуждают. Я только поэтому согласилась зайти к Камилю. Чтобы не обсуждали и, не дай бог не начали искать причину моего категорического нежелания этого делать.

Просто обычно я с пациентами веду себя по-другому. Приветливо, мило, сама часто навещаю даже если нет времени. И это не потому, что я чего-то от них жду. В нашей больнице, к счастью, давно нет взяточничества.

Но у каждого моего пациента есть родственники и друзья, которые с большой вероятностью обратятся ко мне по рекомендации. Работать с теми, кто тебе доверяет до прихода на прием, приятно. Такие люди воспринимают тебя авторитетом только потому что получили рекомендацию кого-то знакомого. И мне так проще, и им. Как показывает практика, итог таких операций всегда благоприятен. У пациента нет стресса и он восстанавливается скорее, а мою работу не ставят под сомнение.

– Алло, Диана Романовна? – телефонный звонок отвлекает прямо посреди рабочего дня.

– Слушаю.

– Это учительница ГПД из школы. Ваша мама забрала

Анечку пять минут назад. Я отходила, а когда вернулась, мне сообщили, и я уже ничего не смогла сделать.

– Хорошо, спасибо, что предупредили.

Отключив телефон, прикрываю веки и мысленно отсчитываю до десяти. Мама заявится в больницу с минуты на минуту вместе с дочерью и закатит очередной скандал на тему, как я плохо ее воспитываю и что мне совсем не место в этой клинике. По ее мнению место женщины – у плиты. И не имеет значения, что она сама там не провела ни дня.

О том, что заявила мама, я понимаю по оживлению за дверью. И ровно через несколько минут та распаивается. Сначала заходит Аня. Дочка тут же бросается ко мне, забирется на колени и обнимает меня за шею. Нет, Аня любит бабушку, но иногда она бывает слишком навязчивой даже для ребенка, способного достать разговорами кого угодно и когда угодно.

– Привет, мама...

– Привет, – передергивает меня. – Ты время видела?

– Только четыре.

– Уже четыре! А если бы я не шла мимо школы?

– Я бы забрала Анечку в шесть.

– В шесть... – она произносит эту цифру так, словно она ей приносит физическую боль.

– Анют... иди возьми у Тины стетоскоп. Ладно?

Дочка деловито кивает и спрыгивает с моих колен, направляясь к выходу из кабинета. Она, в отличие от моей ма-

мы, очень любит место моей работы и мечтает однажды тоже стать хирургом, хотя я никогда на подобном не настаивала.

– Вот что за мать забирает ребенка в шесть вечера?

– Работающая.

Мой голос звучит максимально равнодушно, потому что я ко всему уже привыкла.

– Ты закончила или еще нет?

– Еще нет, мама...

– И когда же ты закончишь? Дочь уже здесь.

– Из-за тебя!

– Спасибо мне скажи! – возмущается, вскакивая со стула. – Ты никогда меня не благодаришь.

– Потому что ты делаешь так, как удобно тебе, а не мне.

Она фыркает. Совершенно не собираясь слушать.

Не знаю, сколько длится наша перепалка, прежде чем маме надоедает и она, подхватив сумочку, направляется к двери.

– Ребенка найди. Поди, опять шляется по больным твоим.

У меня в этот момент вся жизнь перед глазами проносится, потому что помимо игр со стетоскопом у дочки есть еще одно любимое занятие – ходить по палатам и задавать пациентам вопросы.

Сорвавшись с места, выбегаю в коридор, чтобы убедиться, что дочка не в палате у того, с кем никогда не должна встретиться.

Глава 6

Ноги сами несут меня к палате Алиева. Какое-то шестое чувство подталкивает меня туда и, стоит только войти, как я мгновенно прирастаю к полу, потому что Аня сидит на стуле и деловито задает Камиллю вопросы. И даже что-то записывает в свой блокнот!

В общем-то, я не удивлена, что она задержалась именно здесь. Алиеву явно недостает общения, а Ане палец в рот не клади дай поговорить.

– И что, у вас совсем-совсем никого нет? – с сожалением в голосе спрашивает моя стрекоза.

– Никого.

– А у меня есть мама! – гордо сообщает Аня. – Но вот папы...

– Аня! – восклицаю, распахивая дверь настежь. – Вот сколько раз говорила тебе не сбегать.

Подхожу ближе, беру дочку за руку. В сторону Камилля стараюсь не смотреть, потому что мне кажется, стоит нам только столкнуться взглядами, как он все поймет. Раскусит меня и узнает то, чего знать не должен был никогда.

– Идем, – беру дочку за руку и поднимаю со стула.

У нее из рук выпадает блокнот и ручка, за которыми я тут же нагибаюсь. Нелепая ситуация, дурацкая ненужная встреча.

– Диана, вы не задержитесь? – летит мне в спину, когда собираюсь уже выйти из палаты, подталкивая вперед дочь.

– Я зайду к вам. Через несколько минут, – обещаю, даже не повернувшись в его сторону.

Как только мы оказываемся снаружи, не под любопытным взглядом Алиева, мне кажется, что жизнь налаживается. Он ничего не понял, он не узнал в чертах Ани себя. Это хорошо. Ему здесь еще немного лежать. Как только восстановится – исчезнет. Надеюсь, на этот раз навсегда. Нам с дочкой никогда не нужно было его присутствие и уверена, что это не изменится.

– Что я тебе говорила не доставать пациентов? – строго говорю дочке.

– Он сам меня позвал, – пожимает плечами. – Он хотел поговорить.

Хотел поговорить. Не удивительно, ведь в палате ему больше не с кем разговаривать, ну и к нему никто не приходит.

– Ты должна слушаться меня. Меня! – наседаю на дочку, но пресекаю свои возмущения на корню.

Осознаю, что виню ее ни за что. Разве это она виновата, что оказалась не нужна отцу семь лет назад? Разве это ее вина, что он лежит в одной из палат, которыми заведует мама? И разве это ее вина, что я у нее такая непутевая и не смогла за ней присмотреть? Конечно, нет. Не за что винить Аню и повышать на нее голос.

– Тина! – перехватываю свою помощницу и передаю ей Аню. – Присмотри, пожалуйста.

Глава 7

Зайти к Алиеву в палату на этот раз я себя уговариваю дольше обычного. Перебираю в уме все то ужасное, что может произойти и все-таки захожу. Ну что он, в конце концов, может сказать? Спросить, от кого дочь? Заподозрить? У меня давно приготовлены ответы.

– Прощу прощения за это, – первое, что говорю, когда вхожу в палату. – Что тут у нас? Есть жалобы?

Заглядываю в карточку, которую прихватила и все, что вижу – Алиев идет на поправку. И без заботы близких у него все в порядке. Такими темпами еще несколько дней, и его можно выписывать. А мне тогда – выдохнуть. И снова жить своей жизнью, в которой все было заранее predetermined. Работа, школа, дом, работа и так до бесконечности.

– Нет жалоб, – отвечает как-то невесело.

– Уверены? – перевожу взгляд с папки на Камиля и, честное слово, лучше бы я этого не делала, потому что то, как он смотрит... словно в самую душу заглядывает.

– Уверен.

– Тогда... у вас те же назначения. Лекарства работают хорошо. Если посмотреть по динамике, все идет отлично. В таком темпе через несколько дней вас выпишем.

Захлопнув папку, выдавливаю из себя улыбку, а затем разворачиваюсь и решительным шагом иду к двери.

Подальше отсюда, потому что быть здесь уже кажется невыносимым и невозможным. Напряжение, царящее в палате, проскальзывает в каждую клеточку тела, заполняет.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – летит в спину.

Останавливаюсь. В другой ситуации ушла бы, не задумываясь, потому что, ну что он может иметь ввиду? А теперь стою. И поворачиваюсь медленно. Чувствую, как спину сковывает напряжением, а руки потеют.

– Что именно? Если вы о состоянии... – открываю папку, делая вид, что пересматриваю.

Сердце колотится, как сумасшедшее, буквально выпрыгивает из груди. Бах-бах-бах.

– Я о дочери.

– Если она доставила вам неудобства, мне очень жаль. Обычно, она ходит по палатам и все ей рады, но если вы...

– Прекрати ломать комедию, Диана. Я знаю, что Аня моя дочь.

От его слов спирает дыхание. Кажется, что меня кто-то очень сильно ударил, и я теперь не могу сделать вдох.

Потому что я по его взгляду вижу, что он не шутит и не пытается вывести меня на правду.

Он уже ее знает. Уверен.

Это заметно по ней. Восточные черты, глаза, волосы... я это еще в роддоме поняла, не заметить с его стороны было бы глупо. Но я, все же, не собираюсь сдаваться так просто.

– Я назначу дополнительные обследования, – проговори-

ваю сухо. – Приглашаю психиатра и...

– Диана, – давит тоном.

И взглядом проникает куда-то глубоко-глубоко, парализуя.

Он, как зверь. И даже не раненый, нет.

Я поражаюсь этой его способности. И тому, что он, несмотря на перенесенную операцию, все еще выглядит так, словно только вышел из спортзала. Разве что слегка заметные тени под глазами с потрохами выдают в нем пациента.

– Только попробуй выставить меня психопатом. Ты думала, я не узнаю собственного ребенка?

– Ты спятил. Аня моя дочь и ты не имеешь к ней никакого...

– Хорошо. Что скажешь на счет теста ДНК? Если я не имею никакого отношения, сделаем?

– Да, – отвечаю без запинки.

В лаборатории работает мой хороший знакомый. Мне, конечно, придется постараться, чтобы уговорить его, но думаю, у меня получится. Он говорил, я нравлюсь ему. Соглашусь на одно свидание, зато навсегда избавлюсь от Камиля.

– Не в этой клинике, – тут же ломает мои надежды. – В независимой лаборатории.

– Как я могу быть уверена, что там правильные результаты?

– Здесь не могу быть уверен я.

– Никто в нашей больнице не стал бы...

– В. Независимой. Лаборатории, – повторяет отдельными словами, будто маленькой девочке, до которой не доходит, что она нашкодила.

– Хорошо.

После этого сразу выхожу из палаты. И уже за дверью думаю, какую глупость совершила. Нельзя! Нельзя было соглашаться! В любой лаборатории подтвердится отцовство и потом... что будет потом? Он захочет участвовать в жизни дочки? Захочет забирать ее по выходным?

Познакомит с братиком или сестричкой? Осознаю, что даже не знаю, кто у него родился тогда. Мне было страшно узнавать. Да и сейчас знать не хочется! Мы так хорошо жили без него. Понятно, стабильно, без потрясений.

Да и кто сказал, что все будет так? Может, он заберет у меня Аню? Снова прикроется обычаями и просто заберет, словно ее у меня никогда и не было.

– Не думала, что ты снова станешь проблемой, – слышу знакомый голос.

Повернувшись, сталкиваюсь с Заремой. Она стоит, одетая с иголки, с наброшенным на плечи медицинским халатом. От нее откровенно воняет духами, а здесь как бы медицинское учреждение, но я держу это замечание при себе. Не хватало еще, чтобы она подумала, что я это из ревности.

– Добрый день, – отвечаю холодно.

– Ты снова ошиваешься вокруг моего мужа?

От ее наглости на мгновение теряю дар речи, а затем вспо-

минаю, что я, вообще-то, именитый хирург этой больницы.

– Ошиваетесь – не то слово, которое уместно применить в данном случае. Я – врач господина Алиева и слежу за состоянием его здоровья. Если помните, я его оперировала. Удачно, ведь он идет на поправку.

Видю, как она удивляется.

– Не ожидали? Не удивительно, персонал сказал, вы не отвечали. Боялись услышать плохие новости? Или не обрадовались бы хорошим?

Я так и оставляю ее стоять, глупо открывая и закрывая рот в попытке сказать что-то столь же колкое. А потом, зайдя к себе в кабинет, приваливаюсь к двери и едва не съезжаю по ней вниз. Потому что больно. Отчего-то даже спустя столько времени больно видеть эту суку, которая одним своим появлением разрушила все, что у меня было.

Глава 8

– Ты сердишься? – спрашивает Аня и театрально дует губки, сидя над тарелкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.